

Этнокультурное взаимодействие в Евразии

Книга 1

НАУКА

УДК 39
ББК 63.5
Э91

*Публикуется в рамках Программы
фундаментальных исследований Президиума РАН
«Этнокультурное взаимодействие в Евразии»*

*Ответственные редакторы:
А.П. ДЕРЕВЯНКО, В.И. МОЛОДИН, В.А. ТИШКОВ*

**Этнокультурное взаимодействие в Евразии : в 2 кн. / отв. ред. А.П. Деревянко,
В.И. Молодин, В.А. Тишков ; Отд-ние ист.-филол. наук РАН. – М. : Наука,
2006. – ISBN 5-02-034312-9.**

Кн. 1. – 2006. – 465 с. – ISBN 5-02-034366-8 (в пер.).

Книга призвана познакомить читателя с результатами Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Этнокультурное взаимодействие в Евразии» (2003–2005). В рамках концепции историко-культурного единства и многообразия региона Евразии были интегрированы усилия археологов, историков, антропологов и этнологов, работы которых велись по четырем направлениям: антропогенез и освоение человеком Евразии, этногенез и этнокультурная история, экология и жизнеобеспечение, культурные взаимосвязи, мировоззрение и религии народов Евразии. В книге освещаются открытия в области ранней истории человека, формирование этнических общностей и государств, развитие языков, литературы и фольклора среди народов Евразии, взаимодействие культур и современные процессы на Евразийском континенте. Показан вклад региона в мировую историю, его культурная и общественно-политическая значимость в современном мире, а также роль России и российского народа в цивилизационном развитии.

Для археологов, историков, антропологов, социологов, лингвистов и широкого круга читателей.

ISBN 5-02-034312-9
ISBN 5-02-034366-8 (кн. 1)

© Отделение историко-филологических
наук РАН, 2006
© Коллектив авторов, 2006
© Редакционно-издательское оформление.
Издательство «Наука», 2006

Этнографические группы восточных славян в Западной Сибири: типовология, идентичность, межкультурные взаимодействия

Е.Ф. Фурсова

Этнокультурная ситуация юга Западной Сибири наилучшим образом подходит для исследования природы и свойств таксономически низких подразделений этносов. Близкородственные группы русских, украинцев и белорусов, проживавшие на сопредельных территориях, логично считать *этнографическими* (в отличие от проживавших в иноязычном, инокультурном окружении *этнических* групп). Принцип разделения этнографических и этнических групп только в зависимости от самосознания, как показывает полевой этнографический материал, упрощает ситуацию: в исследуемых регионах Западной Сибири не было ни одной восточнославянской группы, характеризовавшейся культурной спецификой, в большей или меньшей степени не обладавшей самосознанием и представлениями об общности происхождения и культуры.

Хотелось бы особо подчеркнуть, что исследовать восточнославянское население Сибири, не принимая во внимание культурное разнообразие составляющих его групп, бессмысленно, так как в этом случае не учитываются традиционные особенности материальной и духовной культуры, на основании которых можно «прочитать» этнографический состав переселенцев, результаты их контактов и взаимодействий. Однако к сегодняшнему дню учёные-этнографы не располагают достаточной источниковской базой, по причине отсутствия систематических научных полевых исследований на протяжении предшествующего времени. Особенно это касается восточнославянского населения Западной Сибири, где многие районы не были охвачены такими изысканиями совсем (Бараба, Кулунда, Васюганье, Среднее Приобье и проч.).

Микрообщности изучаемых районов Западной Сибири. К настоящему времени в результате многолетних полевых исследований 1977–2003 гг. автором сделано описание этнографических групп Приобья, Васюганья, Барабы и Кулунды. В ряде опубликованных работ были намечены и обоснованы различные этнографические подразделения сибиряков, осуществлен сравнительно-исторический анализ особенностей их культуры. Своебразные экза- и эндоэтнонимы этих групп, как правило, связаны с их реальным или мифическим происхождением, исторической родиной или отражают исторические события в прошлом. Как показали исследования, абсолютное большинство этно-

графических групп региона в большей или меньшей степени обладают элементами самосознания: таким образом, если этнографическая группа характеризуется присущими ей культурно-бытовыми особенностями, то имеет место и самоидентичность представителей этой группы. В силу приведенных выше соображений мы сознательно отказались от использования такого подразделения этноса, как этническая группа. Соглашаясь с тем, что максимально выраженное этническое групповое самосознание характерно для этнографической группы, необходимо, на наш взгляд, к этому добавить фактор географической зависимости, так как компактные этнографические группы обладают более высоким самосознанием, чем рассеянные (например, «курганы», «двоеданы» Приобья и широко расселившиеся «кержаки»).

Некорректно говорить об украинцах и белорусах Западной Сибири как национальных меньшинствах, хотя бы из-за неопределенности этого термина в Международном пакте о гражданских политических правах (1966 г.), Конвенции о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам (1992 г.). Ни в период поселения, ни в более позднее время они не представляли собой организованной общности, способной к политической или другой мобилизации. Предлагаемая классификация этнографических групп Приобья, Барабы и Кулунды первой трети XX в. носит «сущностный» характер, опирается на их происхождение, закономерности образования:

- компактные конфессионально-этнографические группы, образовавшиеся на основе ассимиляции/аккультурации иноэтнической группы основной макрообщностью в сочетании с религиозным фактором (старообрядчество: «курганы», белорусские «москали»);
- компактные и рассеянные этнографические и конфессионально-этнографические группы, выделившиеся из родного этноса в результате имевших место реальных или мифологических событий прошлого («чалдоны», «двоеданы», «кержаки»); сюда же относились группы белорусских и украинских переселенцев («хахлы»);
- рассеянные и компактные территориально-этнографические группы мигрантов, связанные общностью территории – конкретных мест выхода

в России, Белоруссии, Украине, чем обусловлены их культурно-бытовые особенности (поздние российские переселенцы «вятичи», «рязаны», «куряне», «минские», «полтава» и пр.) (рис. 1).

Каждая конкретная этнографическая группа имела тот культурный «стержень», вокруг которого она формировалась. Если для старожилов, в их числе «чалдонов», важным для обозначения своей общности было сходство культурно-бытовых черт, а также представление об общности происхождения («с Дона и Чала»), то для старообрядческих групп на первом месте стояла приверженность староверию, что было более актуально, чем этничность (предпочтение в браках отдавалось староверам – финноязычной мордве, тюркоязычным чувашам, но избегались русские сторонники официальной церкви). Российские переселенцы второй половины XIX – начала XX в., как правило, селились и жили своими областными общностями, уличными «краями», «колодами», «концами» («курскими», «рязанскими», «могилевскими», «черниговскими» и пр.) и в семейных отношениях, при заключении браков, ориентировались на «своих». Здесь налицо протекание взаимно противоположных процессов адаптации: с одной стороны, вновь прибывшее европейское население стремилось возможно более быстрыми темпами влиться в старожильческий массив, надеясь быстрее приспособиться к жизни в Сибири. С другой стороны, естественным было сохранение когда-то существовавшей общности. Последнее объясняет тот хорошо наблюдавшийся этнографами факт, что материальная культура российских переселенцев подверглась значительным изменениям, в то время как духовная культура – календарные обычаи, фольклор – долго хранила и сохраняет до сих пор специфические черты.

В конфессионально-этнографических группах единство осознавалось как следствие особого про-исхождения, исторического развития и находило опору в религиозном сознании. Функционально на этапе становления главенствующей силой в объединении группы была религия, которая и определяла культурно-бытовые особенности, отношения с внешним миром. Сохранению границ между группами способствовали представители старшего поколения, которые ориентировали молодежь на эндогамные браки.

Безусловно, термин «конфессионально-этнографические группы» не является точным: и приверженцы Русской православной церкви и русские старообрядцы относятся, конечно, к одной конфессии. За исключением, по-видимому, сторонников беспоповских общин, у которых отсутствовало священство и обряды и которые оцениваются Русской православной церковью не столь однозначно. Термин конфессионально-этнографические группы, предложенный в свое время Ю.В. Бромлеем, взят в качестве обозначения старообрядческих культурных общностей по причине его распространенности в современной этнографической литературе.

Ю.В. Бромлей использовал его для обозначения старообрядческих групп «кержаков», хотя изначально было ясно, что все они относятся к христианам наряду со сторонниками церкви. Термин «конфессиональный» в контексте данной работы подчеркивает тот факт, что определяющим фактором для формирования специфических культурно-бытовых различий этих групп являлись особенности вероисповедальной практики.

В группах российских мигрантов основным признаком может быть признан территориальный (принцип землячества) и такие группы могут быть названы территориально-этнографическими. В этнографических группах старожилов-сибиряков, чалдонов «центральными» этнодифференцирующими признаками являлись «родовая» принадлежность к Сибири, обладание выраженным сибирским самосознанием, отсутствие конкретной исторической памяти о прежнем местожительстве предков, следование архетипическим представлениям о «своем» пространстве. Таким образом, самосознание старожильческих и переселенческих групп изучаемой территории первой трети XX в. являлось многоуровневым, сочетавшим принадлежность к единой общности «сибиряков» и одновременно к конкретным этнографическим, конфессионально-этнографическим и территориально-этнографическим группам. Эти группы обладали разными степенями самоидентичности, которая наиболее определенно была выражена у старообрядцев-курганов, двоеданов и выглядела размытой у пермских, калужских и некоторых других переселенцев. Как свидетельствуют этнографические материалы, украинцы сохраняли более четкое самосознание в сравнении, например, с белорусами. Трансляция устных преданий, со временем приобретших фольклористические черты, наряду с особенностями духовной культуры являлась одним из действенных критериев осознания идентичности определенной группой. Важно отметить, что в мифосознании старожилов и некоторых поздних российских переселенцев «свое пространство» ассоциировалось не с какими-то территориями, а с образом реки – «Дона» (у чалдонов), «Кержи» (у кержаков), «Челябы» (у двоеданов) и пр. Образ «реки» выступал архетипом представлений о своем «исkonном» жизненном пространстве и мог отражаться в названии локальных групп. Те же функции поддержания самосознания нес «образ» этнической истории, которая была ориентирована не на объективное отображение минувших лет, а на сконструированные исторические мифы.

Впоследствии конфессионально-этнографические, этнографические и территориально-этнографические группы, развиваясь во времени и в контакте одно с другим, меняли свои этнодифференцирующие признаки, например территориально-этнографические под воздействием ассимиляционных процессов превращались в этнографические и т.д. («permские» становились «российскими» и далее –

сибиряками; «тамбаши», «калужане» – «российскими» и т.д.).

Уже к предвоенному времени 1930-х годов не только для представителей более двухвекового переселения, но и для позднейших мигрантов второй половины XIX – начала XX в. сибирская земля стала родной и своеобразный топоним «сибиряк» давно получил статус престижного. Этот термин активно использовался в качестве самоназвания сибирской общности представителями всех славянских народностей. К этому времени в силу политico-социальных, идеологических причин межкультурные взаимодействия активизировались настолько, что в данном случае мог быть вполне употребим термин «плавильного котла». «Плавились» группы вследствие получивших распространение межгрупповых и межэтнических браков [Клячкин, 1928, с. 46], политических репрессий, а «доплавились» в годы Великой Отечественной войны, когда многие из числа белорусов и украинцев стали «писаться русскими» [Записи подворной книги].

Сибирские материалы показывают, что следует различать общегрупповые названия, сложившиеся до переезда в Сибирь или уже на новом месте поселения, и общедеревенские прозвища (антропонимы). Смысл первых, как это было показано выше, за давностью лет может быть утерян или не соответствовать действительности, по поводу вторых названий и самоназваний чаще всего сохраняется легенда о происхождении. В 1970–1980-е годы в полевой практике мы нередко наблюдали бытование в жизни «родовых» прозвищ, которые вели свое начало от прозвища предка – прадеда или деда с сопутствующей семейной или сельской легендой. Приведем пример по материалам 1990 г., 1995 г. в Восточно-Казахстанской области Республики Казахстан (на период работы – Казахской ССР). Деревню Большая Речка заселила довольно компактная группа из Ялугоровского уезда Тюменской губернии, как вспоминают их потомки, «целыми колодами» (Ф.М. Медведев, 1904 г.р.). До настоящего времени в среде пожилых людей сохранились диалектные особенности подобно тем, которые можно услышать в Тюменской области: месяц – «мисяц», курица – «куриса», царь – «сарь», веник – «виник» и проч. Представителей одной фамилии, Медведевых, звали по прозвищу «коростелята», так как какой-то их предок ходил на охоту и подобно коростелю очень искусно крякал. Другие носители этой фамилии звались не иначе как «коты» благодаря предку, который «ходил по чужим женам»: условным сигналом – мяуканьем – он вызывал своих возлюбленных. Соседи подкараулили его как-то за этим занятием и с тех пор сохранилась кличка «коты». В связи с прозвищами происходили нередко анекдотические ситуации: «Будучи старостой, Медведев-котенок поскандалил с одним мужиком, посадил его в холодную, т.е. каталажку, тот начал там мяукать и скрести стену... Пришлось старосте выпустить арестованного» (Ф.М. Медведев). Предок

семейства Серохвостовых был лысый, почему всех его родственников и потомков прозвали «карагужами» – по названию местной птички с белой головой. Точно так же, по-разному, назывались две ветви семейства Слоновых. У одних было прозвище «Пашаты» или «Пашинцы», которое, как считается, вело свое начало от предка Павла, или по-турецки «паша» (генерал). Представителей другой ветви прозвали «кучи» – слово, этимологию которого никто не взялся объяснить.

Формирование этнографических групп, интерпретация этимологии групповых этнонимов. Отдельные компоненты культуры старожильческого населения юга Западной Сибири начала ХХ в. исследованы и опубликованы в ряде изданий [Кимеев, 1997; Золотова, 2002; Любимова, 2004; Фурсова, 1997, 2003а, б; и др.], поэтому сосредоточимся на некоторых вопросах развития местных этнографических групп, этимологии групповых этнонимов.

Чалдоны. Анализ новых материалов показал, что групповой этноним «чалдон» в первой трети ХХ в. был распространен гораздо шире, чем это указывалось в словарях XIX в. [Боровников, 1853; Даль, 1989б, с. 587], в том числе на территориях, прилегающих к правобережью р. Обь (рис. 2). В ряде районов Васюганья, Барабы, Кулунды, т.е. левобережья Оби, на фоне широкого распространения топонима «сибиряк» термин «чалдон» хотя и встречается, однако здесь он не связывается с донской прапородиной. Представления о содержании этого термина в различных европейских и сибирских регионах были отражены нами в сводной таблице [Фурсова, 2002, с. 33]. Отметим, что согласно нашим исследованиям, термин «чалдон» не имел более нигде столь широкого распространения: в Восточной Сибири так называли коренных сибиряков, выходцев из Забайкалья (с точки зрения сибиряков-старожилов Иркутской области) или метисированных с местными сибирскими народами (бурятами) русских (мнение российских переселенцев Иркутской области, ПМА 2001). Потомки польских переселенцев-иркутян считали, что термин «чалдон» возник и «прижился» для того, чтобы снять недоразумения в отношении идентификации части россиян, потомков от смешанных русско-бурятских браков. Заметим, однако, что как среди чалдонов Западной, так и Восточной Сибири абсолютное большинство сибиряков, называющих себя «чалдонами», относится к европейским антропологическим типам [Русские старожилы Сибири..., 1973, с. 106, 115, 116, 174].

Старожилы-чалдоны точно не знали европейского «прошлого» своих прадедов (конкретных губерний, уездов), чем коренным образом отличались от российских переселенцев второй половины XIX – начала ХХ в. Они считали, а их потомки и сегодня считают себя живущими в Сибири с незапамятных времен, почему среди них очень распространены такие категоричные высказывания о себе, как-то: «мы – закорененные сибиряки», «чис-

тые сибиряки», «чалдоны – вековечные сибиряки», «нация была русские чалдоны» и т.д.

Метод интервьюирования позволил выявить народные предания о происхождении этой группы населения, которое, так или иначе, «привязано» к сакральной для славян реке Дон. Примечательно то, что в песенном фольклоре «чалдонов» упоминание «Дона» встречается не только при исполнении календарных обрядов, но и имеет место в народно-патриотической песне «Дон ты вольный, Дон широкий...». Красной нитью в устных сообщениях проходят темы родственной связи с «покорителем Сибири Ермаком», а также «казачьего» прошлого пра-дедов. Более того, Ермак выступает родоначальником всего «рода», а главным актом его деятельности является поселение на сибирских землях «чалдонов». Так, в Верхне-Тарской волости местные сибиряки сохраняли народное предание о том, что Ермак доходил до их д. Чебаки (У.Г. Кайгородова, д. Верх-Красноярка, Северного района НСО), хотя, как известно, это не подтверждается историческими документами. О выходе с Дона сохранилось и до сих пор бытует множество рассказов, передаваемых из поколения в поколение [Фурсова, 1997, с. 16; Фурсова, 2002, с. 33–42]. По одним версиям, чалдоны назывались своим именем уже на европейской прародине, по другим высказываниям выходит, что это название сложилось на сибирских землях. В Иткульской волости Каинского уезда была известна другая версия происхождения названия коренного сибиряка «чалдон», имевшая отношение опять же к рекам: «Что означает? Отец говорил, что мужчина с Чалу, что ли, а женщина – с Дону. Вот они вместе сошлись и получился чалдон. Вроде родился ребенок чал-дон» (А.М. Нечеухин, пос. Чулым НСО). Украинские переселенцы утверждали, что этимология этого слова связана не просто с р. Дон, но особенным поклонением «ему»: «Дон! Челом бьем! Челом бьем Дону – отсюда челдон!» (В.Д. Муренко, д. Прыганка, Панкрушихинского района АК). Информаторы, причисленные народной молвой к «чалдонам», считают, что ничего недостойного или обидного в этом названии нет. Таким образом, в данном случае мы сталкиваемся с ситуацией, когда самоназвание (по мнению некоторых исследователей, прозвище) становится признаком самосознания. Самоназвание «чалдоны» в значении «местные жители» отмечено также в Тюменской области (Абатский, Омутинский районы) (ПМА 2002, 2003). Таким образом, грушевой этнический чалдоны представляется движущимся и не имеющим конкретной территории формирования, имеет привязку к сакральной р. Дон и условно разделительную водную границу по р. Оби, сакрализация которой происходит значительно позднее. С позднейшими российскими переселенцами наблюдалось противопоставление на культурно-поведенческом уровне, первые обладали культурой городского вида в отличие от вновь прибывшего «малокультурного» крестьянского населения.

Сибиряки. Значительная часть старожильческого населения исследуемых регионов, особенно Барбы, Кулунды, Васюганья, не называвшая себя чалдонами и не связывавшая происхождение с Доном, для изучаемого времени была известна как «сибиряки». О себе представители этой группы обычно говорят, что они и их пра-деды «коренные сибиряки», «вечные сибиряки», «настоящие русские сибиряки». В первой трети XX в. коренные сибиряки проживали достаточно компактными группами в Усть-Тартасской, Шипицынской, Меньшиковской, Нижне-Кайнской, части Кыштовской, Каинской волостях Каинского уезда (ПМА 1986–2002) (рис. 2). Следует заметить, что многие из зафиксированных нами в ходе экспедиционных исследований фамилий «коренных сибиряков» отмечаются в сельскохозяйственных анкетах 1916–1917 гг. как «старожильческие» [Фурсова, 2002, с. 44; Фурсова, 2003, с. 99, 100 и т.д.].

Этимология слова «сибиряк» более определена в сравнении с чалдоном и означает «коренной житель Сибири», «человек, проживающий в Сибири». Естественно, при этом необходимо принимать во внимание многозначность самого топонима Сибирь, встречающегося еще в древних русских летописях (Сибирью обозначалась столица Сибирского ханства, Себуром назывались Уральские горы, сибирью – древние местные племена) [Соколова, 1986, с. 14].

Российские переселенцы – выходцы с Русского Севера были представлены в основном Архангельской, Вологодской, Костромской губерниями. По данным сельскохозяйственных анкет 1916–1917 гг., выходцы из северорусских губерний проживали незначительными «вкраплениями» на территории Барнаульского, Каинского, Томского (например, 1 домохозяйство (д/х) из Костромской губернии в д. Карасово, Гондатьевской волости; 1 д/х из Костромской губернии в д. Скалинское, Чаусской волости; 5 д/х из Костромской губернии в д. Верх-Сузун, Малышевской волости) уездов. Особых общегрупповых названий и самоназваний в среде северорусских переселенцев не зафиксировано, но на фоне прочих сибиряков здесь отмечается больше общесемейных, родовых прозвищ.

Вятские переселенцы – «вятские», «вятичи». Выходцы из северо-восточных земель России, прежде всего Вятской губернии, по данным П.А. Голубева и П.М. Головачева, в 1860–1870-е годы составляли основной контингент мигрантов в сибирский край [Голубев, 1892; Головачев, 1894, с. 31–59]. По данным Н.М. Ядринцева, вятские переселенцы с 1870 по 1879 г. по количеству переселившихся в Томскую губернию занимали первое место [Ядринцев, 1880, с. 129]. Следует, однако, отметить, что и в иные годы они являлись многочисленными и всегда входили в первую пятерку или десятку.

Анализ современных этнографических материалов подтверждает исторические сведения о приори-

тетном направлении в заселении вятскими переселенцами Алтайского горного округа, а именно Барнаульского уезда. Н.А. Ваганов сообщал, что в большинстве своем эти переселенцы представляли собой мигрантов из Котельнического (Гвоздевской, Игуменовской волостей), Сарапульского (Ижевско-Нагорной волости), Орловского уездов Вятской губернии [Ваганов, 1883, с. 97]. Данные сельскохозяйственных анкет 1916–1917 гг. свидетельствуют о фамилиях отдельных переселенцев и целых фамильных «гнездах» на территории правобережья р. Оби. Этимология этнотопонимов «вятские», «вятчане» прозрачна – выходцы с соответствующих территорий северо-востока России.

Потоки переселенцев из Пермской губернии в 1850–1860-е годы по массовости были на 10-м месте, в 1870-е годы на пятом [Ядринцев, 1880, с. 129]. В 1885–1889 гг. выходцы из Пермской губернии занимали по численности в общем переселенческом потоке 2-е место (8%), в 1890–1894 гг. – 6-е (15%), в 1895–1899 гг. 19-е (10%), в 1900–1904 гг. 20-е место (7%) [Переселение в Сибирь..., 1906, с. 16]. Значительное количество приехавших составляли жители Чердынского, Осинского и Соликамского уездов Пермской губернии [Ваганов, 1883, с. 5, 7]. Отдельные домохозяйства пермских переселенцев отмечены анкетами сельскохозяйственной переписи населения за 1916–1917 гг. по Томскому и Каинскому уездам. Очень редко выходцы «с Перми», заселив населенный пункт, были в преобладающем числе (как, например, с. Киряково, Гондатьевской волости, Томского уезда). В отличие от вятчан, выходцы из Пермской губернии плохо сохранили семейные предания о малой прародине, довольно быстро забыли свою «пермскую» идентичность, вследствие чего быстро растворялись в среде старожильческого населения. В ходе полевых работ не обнаруживаются даже «края» с названиями «Пермь», т.е. с указанием на компактное поселение североуральцев с эндонимом «пермские» [Фурсова, 2004, с. 95].

Неудивителен тот факт, что из всей массы прибывших в Приобье российских переселенцев именно выходцы «из Перми», как наиболее близкие по физико-географическому положению, оказались наиболее близкими в культурном отношении местному старожильческому населению. Большое значение имел также тот факт, что в среде пермских крестьян было много умелых ремесленников: плотников, пимокатов, сапожников и проч. [Голубев, 1892, с. 140; Фурсова, 2004, с. 65–72].

Калужские переселенцы по массовости входили в первую тройку в 1850–1860-е годы [Ядринцев, 1880, с. 125]. Они и их потомки встречались в Верхне-Тарской, Шипицынской (д. Кордон), Тарсминской, Ко/ауракской (д. Лебедево, Ко/аурак), Гондатьевской (д. Зудово), Кайлинской (пос. Инской) волостях Каинского и Томского уездов. Нечасто «калужане» представляли собой компактные территориально-этнографические группы: так, в д. Пеньково, Николаевской волости, Барнаульско-

го уезда, они были третьей по численности частью населения. Подселившись здесь к старожилам в 1907–1908 гг., калужские переселенцы выделялись своим фамильным фондом. Для них достаточно характерно отсутствие сведений о происхождении родителей, плохое знание мест выхода и проч. Отметим отсутствие названий и самоназваний за исключением «российские».

Переселенцы из поволжских губерний по количеству прибывших с 1852 по 1863 гг. стояли на третьем месте [Ядринцев, 1880, с. 125]. В последующие годы с 1870 по 1879 г. выходцы из Самарской, Оренбургской, Пензенской губерний входили в десятку наиболее массовых потоков [Ядринцев, 1880, с. 129]. По данным анкет сельскохозяйственной переписи 1917 г. поволжские переселенцы образовывали группы в селениях, реже основывали самостоятельные населенные пункты.

Однако в целом общее количество поволжских переселенцев в изучаемом регионе было невелико – по спискам от трех до семи семей в каждом селении, например: с. Кайлы, Кайлинской волости; с. Большое Оешинское, Чаусской волости, Томского уезда; с. Чулымское, Иткульской волости, с. Никольское, Иткульской волости, Каинского уезда; с. Огурцово, д. Верх-Чемская, Бугринской волости, Томского уезда и проч. Как достаточно компактные группы, потомки поволжских переселенцев встретились нам в д. Новоникольское, Северного района, деревнях Ночка, Орлово, Венгеровского р-на, НСО, деревнях Береговое, Панкрушиха и Романово, Панкрушихинского района АК, и пр. Особенными традициями выделялась компактная группа переселенцев из Пензенской губернии в д. Ночка, Усть-Тартасской волости, Каинского уезда. По сведениям информаторов, это селение было основано более 100 лет назад еще их дедами, выехавшими из пензенских и самарских деревень (д. Анучино, в том числе одноименной – д. Ночка) фамильными «гнездами»: Малышевыми, Федоршиними, Турутинами, Репиними, Цыпциными (Я.С. Турутин, д. Ночка, Венгеровского района, НСО). Устное предание гласит: «В 1894 г. уроженец Пензенской губернии Семен Данилович Турутин приехал на разведку в Сибирь. Ему понравилось место на крутом берегу р. Тартас, леса оказались богаты дичью, реки – рыбой. Люди ехали в Сибирь с тревогой, устраивали на новом месте жилье, рыли землянки. В числе первых жителей были семьи Саулиных, Суховых, Ефремовых». По данным Управления государственными имуществами по Томской губернии практически все названные информаторами фамилии фигурировали в списках 1894–1901 гг. д. Ночка, Усть-Тартасской волости, на получение строевого леса [Расчеты по ссудам и списки...].

Переселенцы из южнорусских селений с 1852 по 1863 г. составляли в Томской губернии абсолютное большинство. По числу переселенцев места распределялись следующим образом: Тамбовская (первая), Воронежская (вторая), Орловская (пятая) и

Курской (шестая) губернии [Ядринцев, 1880, с. 125, 129]. Значительная часть этих переселенцев была помещена в волостях Каинского уезда (Усть-Таргасской, Нижне-Каинской и пр.). Проживавшие на прежней прародине чересполосно с украинцами, выходцы из этих местностей освободились на сибирских землях от прозвища «кацапы». Однако здесь, несмотря на свою русскую самоидентичность, они нередко получали новое имя «хахлы». В отличие от выходцев с Европейского Севера и Поволжья, южнорусские расселялись обычно довольно многочисленными группами. Курская губерния занимала в переселенческом движении в 1885–1889 гг. 1-е место, дав 43% общего числа переселенцев, в 1890–1894 гг. передвинулась на 2-е (14%, после Полтавской губернии), в 1895–1899 гг. вышла на 3-е (7%) и в 1900–1904 гг. поместились только на 5-м месте (6%) [Переселение в Сибирь..., 1906, с. 15]. Курские, известные как «куряне», прибыли в начале 1880-х годов в Бурлинскую волость Барнаульского уезда (ныне Панкрушихинский район АК) из Стакановской, Краснополянской, Покровской, Хохловской, Никольской волостей Щигровского уезда, Афанасьево-Похонской, Успенской волостей Тимского уезда, Среде-Опоченской волости Старооскольского уезда; в Ординскую волость из Щигровского уезда Стакановской, Никольской, Верхдайменской волостей; в Легостаевскую волость (ныне Искитимский район) из Старооскольского уезда Котовской и Барановской волостей [Ваганов, 1883, с. 19, 68, 103]. Действительно, при знакомстве с анкетами сельскохозяйственной переписи, например, по с. Панкрушиха, Александровской волости (ранее Бурлинской волости), убедительным выглядит значительный перевес переселенцев из Курской губернии. Приехавшие в 1896–1908 гг. в с. Кайлы, Кайлинской волости, Томского уезда, «куряне» составляли около 6% населения; прибывшая в 1897–1907 гг. в д. Карасево, Гондатьевской волости, масса крестьян из Курской губернии на момент сельскохозяйственной переписи составляла примерно половину населения – 45 из 100 домохозяйств.

Многие наши экспедиционные данные подтверждаются также исследователем С.П. Швецовым, например, о проживании в Карасукской (ныне Краснозерский район НСО), Нижне-Кулундинской волостях курских переселенцев из Старооскольского уезда (деревни Гилев Лог, Утичье, Илинское и др.) [Швецов, 1899, № 14, 16, 20 и т.д.]. У большинства курских переселенцев маршрут переселения включал два этапа, первый из которых представлял проезд в Томскую губернию на переселенческий пункт, а по прошествии двух и более лет – обоснование в более южных селениях Алтайского горного округа.

Воронежцы, не имевшие специального названия кроме «российских» или «хахлов», приехали в Ординскую волость из Валуйского уезда Козинской волости и Бирючского уезда Верх-Лубянской, Хме-

левской волостей; в д. Агафониху, Кайлинской волости, из Нижнедевицкого уезда [Ваганов, 1883, с. 104]. Согласно экспедиционным материалам, довольно много потомков воронежских переселенцев проживают на землях бывшей Бурлинской волости (деревни Прыганка, Долганка и проч.), а также в Причумышье. Выходцы из Лебедянского, Моршанского и Елатомского уездов Тамбовской губернии проживали как в южных районах Приобья (Ординская, Чингинская волости), так и в более северных, например Чаусской волости [Ваганов, 1883, с. 29, 116]. Компактная группа «тамбашей», представлявшая 23% населения, поселилась в с. Скалинское, Чаусской волости. В с. Чулым, Иткульской волости, Каинского уезда, тамбовские переселенцы составляли 7% населения; в с. Чингисы, Верх-Чингисской волости, 5%.

Следует отметить, что если по данным Н.А. Ваганова в с. Кайлы, Кайлинской волости, проживало лишь четыре крестьянина из Сапожковского уезда Рязанской губернии, то, согласно экспедиционным материалам, уже в предвоенные годы «рязанцы» составляли здесь значительный процент населения и были известны под именем «ря/езаны» [Ваганов, 1883, с. 82]. Анкеты сельскохозяйственной переписи также подтверждают наши наблюдения по поводу многочисленности рязанских переселенцев с. Кайлы, составлявших здесь 25% населения за период заселения 1881–1914 гг. Большая группа проживала в с. Шубенское, Шубенской волости, Бийского уезда, где до сих пор память жителей хранит название края «Рязань» (ПМА 1981–1986). Немногочисленные группы обосновались в селах Большое Оешинское, Скалинское, Чаусской волости, Томского уезда, с. Чулымское, Иткульской волости, Каинского уезда и проч.

Орловские переселенцы, согласно сельскохозяйственной переписи населения 1917 г., проживали компактными группами в пос. Иркутский, Кайлинской волости, поселках Собиновский, Рыбкинский, Овражный, Гондатьевской волости, Томского уезда. Из более крупных населенных пунктов можно назвать с. Чулым, Каинского уезда, где они составляли 11% населения. Согласно экспедиционным данным, именно прибытие в д. Пеньково значительного количества «расейских» вызвало отток проживавших здесь старообрядцев в более позднее время 1940-х годов (в 1917 г. старожилы Огневы составляли 50% населения). В процессе полевой работы «островки» орловских крестьян встречались в Черно-Кургинской, Верх-Чингисской волостях Барнаульского уезда (села Новая Курья, Чингисы), Чаусской волости Томского уезда (с. Скалинское) и проч. В Николаевской волости за выходцами из Орловской губернии закрепилось гордое название «орлы».

О численности и местах выхода переселенцев из Смоленской губернии в опубликованных обзора было известно мало, по нашим данным они проживали в деревнях Ваничкиной, Лаптевке и других,

Иткульской волости, Каинского уезда. «Смоляне» продолжали прибывать и в конце 1920-х годов: по данным ОАСТА Коченевского района они «самовольно прибыли» в пос. Александровский, в д. Ермиловку и т.д. [Список лиц самовольно прибывших.., с. 5].

Старообрядческие группы Приобья, Салаирского кряжа – «кержаки». О количестве рассеянно проживавших в первой трети XX в. на территории Приобья, предгорьев Салаирского кряжа мелких групп (скоплений) русских старообрядцев точно сказать трудно. Часть их переселилась на исследованные территории в Западной Сибири вместе с первыми поселенцами, такими как казачество, служилые люди, часть мигрировала сравнительно поздно, вместе с российскими пореформенными, «столыпинскими» крестьянами второй половины XIX – начала XX в. [ТЕВ, 1891, № 1, с. 10; № 11, с. 4; Записки бывшего раскольника..., 1891, с. 13]. Под грифом «По секрету» в Барнаульское духовноеправление на протяжении 1770–1905 гг. шли «репорты» «чингинских», сузунских, «берских», «малышевыхских» священнослужителей о «бывших и не бывших у исповеди и святого причастия» крестьянах, посадских, военных [Эстрик из росписей 1812 г.]. При этом, однако, необходимо иметь в виду тот факт, что истинное число «не бывших», значительную часть которых, вероятно, составляли старообрядцы, могло занижаться, поскольку ни Духовноеправление, ни Благочинный протоиерей не были заинтересованы в обнародовании истинных масштабов распространения старообрядчества в Сибири.

Вне зависимости от времени прибытия на сибирские земли, типа согласия и культурных особенностей представители старообрядчества в конце XIX – начале XX в. были известны здесь под именем «кержаков». Топоним (конфессиональный) кержак был отмечен В.И. Далем в качестве сибирского названия старообрядцев [Даль, 1989а, с. 105]. Название это носило обобщенный характер, и в настоящее время оно воспринимается как приличествующее для всех староверов: «*Кто не пошел в новую веру, стали называться староверами и кержаками*». Как следует из наших наблюдений, термин «кержаки» реально применим лишь к незначительной части старообрядцев, которые действительно связывали свое происхождение с р. Керженец в Нижегородской губернии (Керженскими скитами, основанными во второй половине XVII в.).

Старообрядцы – «кержаки» Барабы, Куулунды, верховьев рек Тары, Тартаса, Оми. Для пополнения гарнизонов южных сибирских крепостей в 1763–1764 гг. в Барабу, наряду с ведомством Усть-Каменогорской крепости, были водворены старообрядцы, обитавшие в районе Стародубья и Польской Ветки [Потанин, 1866, с. 103, 108; История Сибири.., 1968, с. 185, 191]. О ситуации «процветания» раскола в этом месте не раз сообщали в XIX в. в своих дневниках, заметках, статьях многие путе-

шественники и ученые. «...Раскольников сект поморской и старииковщины встречается весьма много. Люди, живущие на Барабе, удостоверяли, что раскол распространен здесь весьма сильно; значительная часть раскольников, однако, по церковным книгам числятся православными, потому что крестят детей в церквях и совершают церковные браки», – писал Н.М. Ядринцев [Ядринцев, 1883, с. 25]. Полевые этнографические материалы показали, что в районах Барабинской низменности, Васюганской равнины, Куулунды обосновались в основном старообрядцы-беспоповцы – поморцы и федосеевцы. Старообрядцы поморского согласия Барабы и Васюганья были известны и отчасти сохранились до настоящего времени в деревнях Кулябе, Белкиной, Верх-Тарке, Понькиной, Верхнегорской волости; Тычкиной, Шипицынской волости (по сообщениям информаторов, ранее в Тычкиной проживали даниловцы); Шмаковой, Кыштовской волости; Козино, Чинявино, Верхне-Каинской волости, Каинского уезда и др. Старообрядцы федосеевского согласия осознанно отделяли себя от поморцев, которых называли в противовес себе «кержаками». Они проживали в деревнях Бергуль, Понькино, Ичкала, Верхнегорской волости; деревнях Макаровка, Платоновка, Морозовка, Тычкино, Белкино, Шипицынской волости; Кама, Каминской волости; деревне Табулга, Казаткульской волости; деревнях Куропатка, Заозерное, Купинской волости; деревнях Блюдцы, Заячья, Редкая, Новая и Старая Кулында, Юдинской волости; деревнях Масловка, Шмаковка, Кыштовской волости, Каинского уезда; деревнях Зыково, Коротояк, Усть-Луковка, Плесо-Курья, Романово, Бурлинской волости, Барнаульского уезда. Из этих мест впоследствии выходили наставники городских старообрядческих общин (П.С. Квашнин из д. Редкая, Юдинской волости, Е.П. Болдырева из д. Блюдцы, Юдинской волости и др.).

В настоящее время в Барабинской степи встречаются люди старшего возраста, потомки старообрядцев, которые весьма плохо осведомлены о принадлежности к конкретному согласию (можно предположить, что его название они никогда не знали). Селяне говорят о том, что не являются ни поморцами, ни федосеевцами, но, потеряв своих единоверцев и оставшись в одиночестве, забыли наименование своего согласия. По сообщениям части пожилых информаторов, их звали как «кержаками», так и «чалдонами», поскольку они относили себя к старожильческому населению (К.А. Болдырева, г. Новосибирск). Согласно полевым данным, среди старообрядцев Кыштовской волости встречалось немало потомков выходцев из Калужской губернии (рис. 2).

Старообрядцы – «кержаки» Сузунской горнозаводской, Малышевской, Меретской волостей. Многие данные говорят в пользу того, что в лесистом районе, где на многие десятки километров протянулся Сузунский бор и р. Обь делает крутой

поворот, старообрядцы жили давно. Согласно местной легенде, которая дожила до наших дней, старообрядцы прибыли в эти края, гонимые официальной государственной церковью и долго сохраняли традиции русской старообрядческой старины. Благостная жизнь продолжалась до тех пор, пока они, подобно другим жителям, не оказались приписаными к работам на царских Колывано-Воскресенских заводах [Библиотека для чтения, 1848, л. 7]. В Центральном хранилище архивного фонда Алтайского края сохранился список, «учиненный Сузунскими Священноцерковнослужителями о старообрядцах, состоящих в прежнем своем заблуждении 1829 года» [Рапорты священников..., л. 53; Фурсова, 2002, с. 62].

Старообрядцы-кержаки были известны здесь в деревнях Бобровке, Каргополовой, Кротовой, Малышево, Нижнем Сузуне, Тарадановой, Малышевской волости, Барнаульского уезда. Проживали «кержацкими» фамильными гнездами, или «колодами»/«косяками», среди которых особенно многочисленными были Дедюхины, Иконникова, Казанцевы, Некрасовы, Светоносовы. Согласно экспедиционным материалам, большинство проживавших здесь старообрядцев относились к беспоповскому поморскому согласию.

Старообрядцы – «двоеданы» Приобья. Сведения о старообрядцах-«двоеданах» Приобского плато, по административному делению включавшему Ординскую, Крутыхинскую, Бурлинскую волости Барнаульского уезда Томской губернии, не сохранились ни в архивных документах, ни в литературных источниках. Семейные предания хранят данные об их переселении в Сибирь на протяжении второй половины XIX – первой трети XX в. из районов Южного Приуралья, Курганского уезда Тобольской губернии (с. Большой Беркут). Нередко потомки перво-поселенцев указывают прародину лишь обобщенно – Приисетье, «из Кургана близ Челябинска», «с Челябы». Действительно, о проживании старообрядцев под именем «двоеданов» в Тобольском, Курганском, Сургутском округах свидетельствовал Н.Ф. Зобнин [Зобнин, Патканов, 1891, с. 491]; проживание «двоеданов» в Ялуторовском уезде было отмечено как в целом ряде архивных материалов, так и публикациях и прежде всего периодике того времени [Корреспонденция СВ, 1897, с. 4]. Часть сибирских двоеданов считают себя потомками сосланных «за раскол», за верность староверию христиан, часть вспоминают о поисках родителями лучшей жизни, рассматривая переезд как бегство от малоземелья, бедности, голода. Те, чьи предки поселились в Сибири до начала XX в., называют себя «коренными» сибиряками, переехавшие же позднее, особенно в неурожайный 1933 г., относят себя тоже к сибирякам, но «не коренным». Еще лет 40–50 назад двоеданы довольно многочисленной группой проживали в деревнях Романово, Луковка, Панкрушихинского района, Алтайского края; деревнях Пушкарево, Средний Алеус, Ордынского

района, Новосибирской области, и т.д. (рис. 2).

Рассматриваемая группа старообрядцев имела достаточно определенное представление о себе как последователях поморского согласия («русская вера»), что, по их мнению, синонимично двоеданам и противоположно сторонникам официальной церкви, так называемых церковных. Свое название, которое в изучаемое время являлось и эндонимом, объясняют «старым законом», обязывавшим их предков платить два налога, или «две дани», в казну. Из распространенных фамилий можно назвать Афанасьевых, Ереминых, Захаровых, Ивлевых, Карасевых, Кирилловых, Макуриных, Ощепковых, Петровых, Поповых, Спиридоновых, Федоровых, Чащинах, Ядровых.

В 1944 г. уполномоченному по культурам Новосибирской области поступило заявление от 47 старообрядцев из д. Средний Алеус, Ордынского района, с просьбой зарегистрировать общину, в чем им было отказано (Приказ от 1.03.1947 г.) [Материалы о закрытии..., л. 11]. Причем старообрядцы здесь значились лишь как «б/п» (беспоповское согласие), т.е. самоназвание «двоеданы» не фигурировало. В прилагавшемся списке указаны фамилии, которые фиксировались нами на более позднем, экспедиционном, материале (Ф.Е. Астафьев, Л.Т. Захаров, Д.И. Кириллов, А.И. Никитин, С.И. Седов).

Как и у всех старообрядцев, для самоосознания двоеданов было важно противопоставление себя прочим, «нехристианам», под которыми подразумевались никониане и представители прочих религий; важно также было отделиться от старообрядцев других, не поморских согласий.

Старообрядцы – «курганы» Присалаирья. Практически неизвестные этнографам старообрядцы по р. Малые Изылы (деревни Доронино, Желтоногино, Новоабышево), считая себя этнически русскими, но-сили экзоним и самоназвание «курганы», которое стало настолько привычным, что даже свою «веру» беспоповского толка они называли «курганской» [Фурсова, 1999] (рис. 2). «Поморская наша вера справедливая, курганы мы. Это от старых людей слыхала. Не было у нас священника. Все собирались и молились, кто че знал, то и молился» (М.Ф. Шаронина, д. Новоабышево, Тогучинского района, НСО). В настоящее время многие из числа этих старообрядцев не в состоянии идентифицировать согласие. Обстановку проясняют устные сообщения селян старшего возраста (1900–1917 г.р.) и сведения о существовании в довоенные годы в одном из сел поморской моленной. Представители указанной конфессионально-этнографической группы считают, что их отделяют от остальных сибиряков, к которым они себя убежденно относят, особенности их «истинной христианской» веры и представление об общности происхождения. Первое позволяет называть себя «христианами», в противовес другим, «мирским», второе – отделиться от представителей соседних групп старожильческого населения. Курганы, как и многие другие названия этнографических групп, не-

сомненно, многозначны. Сейчас еще не совсем ясно, что стоит за ним, поскольку родители современных информаторов приехали в эти места в 1907–1908 гг. из Среднего Поволжья: Самарской (упоминается д. Шелимистр) и Пензенской (д. Озёрки и др.) губерний России. Можно привести здесь тот примечательный факт, что, по данным Н.А. Ваганова, в Пензенской губернии была «своя» д. Жолтоногино, Краснослободской волости [Ваганов, 1883, с. 12]. Кроме того, в Списке населенных мест Пензенской губернии за 1864 г. [Список населенных мест..., 1869, с. 106] значатся д. Абышево, Наровчатского уезда; д. Озерки, Городищенского, Инсарского и ряда других уездов, что косвенно подтверждает правильность сообщений о местах выхода. Характерно, что на прежней родине курганов звали, как и прочих старообрядцев в Поволжье (например, в Семеновском уезде Нижегородской губернии), «калагурами». Однако это название считается «внешним» и, в отличие от «курганов», не идентифицируется со «своим».

Среди курганов были распространены фамилии, в том числе не встречающиеся среди сибиряков данной местности – Баландины, Вагановы, Вяткины, Ермаковы, Кузнецовы, Медведевы, Федотовы, Шаронины (исключение составляют Гутовы, которые известны и как сибиряки-старожилы, и как курганы). Поскольку среди курганов могли быть люди мордовской национальности, то некоторые фамилии например, Федотовы, встречались в русских и в мордовских семьях. Фамилии Гордеевых, Лепешкиных встречались только у курганов-мордвы.

Старообрядцы из западных губерний России (Белоруссии). Почти 100 лет прошло с тех пор, когда компактная группа старообрядцев подселилась или основала ряд сел на северо-западе НСО, вблизи болотистых дебрей Васюганья и прилегающих районов Барабы. Их песенно-танцевальный фольклор был описан этномузыковедами, фольклористами [Мельников, 1989; Хрестоматия..., 2001]. Не так давно эти старообрядцы, не обладавшие особым названием, были выявлены как конфессионально-этнографическая группа [Фурсова, 1998].

По рассказам стариков, хранителей устной истории, группа мигрировала в Сибирь из губерний Российской империи, административно относящихся ныне к Белоруссии, Литве и Латвии, из-за недостатка земель в поисках лучшей доли в 1903–1919 гг. Как вспоминали информаторы, переселения старообрядцев из западных губерний России осуществлялись также в последующие годы (1919–1929 гг.).

Поборники «истинной христианской веры», стремясь сохранить целостность культурных традиций, селились в отдаленных и труднодоступных местах – не случайно по р. Таре были избраны места ближе к Васюганью. Архивные данные в точности подтверждают сообщения информаторов: в «Деле Томской Казенной палаты по отделению со списками переселенцев пос. Бергульского, Пустоваловского Кыштовской волости Каинского уезда, получивших ссуды», указано время «водворения» тех и других, а

именно с 16 мая по 25 сентября 1903 г. [Дело Томской Казенной палаты...]. В д. Бергуль, согласно опросам, въехало больше выходцев из «Вильно» и «Риги», а расположенная недалеко д. Макаровка заселялась из Виленской и Витебской губерний. В наиболее рано освоенном переселенцами пос. Бергуль до приезда русских старообрядцев проживали мордва (мокшане), как считается, приехавшие ранее. Из экспедиционных материалов следует тот факт, что часть западных старообрядцев проехали дальше в восточном направлении и, переправившись через р. Обь, остановились на р. Иксе, основав д. Козловку, Гондатьевской волости, Томского уезда.

Основная масса переселенцев и их потомков с верховьев р. Тары связывала свое происхождение с г. Глубоким и селами Глубоковского уезда, входившими на момент переселения в состав Виленской губернии (деревни Апидомы, Ластовичи). Часть пришельцев выехали из Дриссенского уезда Плиссской волости (д. Задорожье?), Полотского уезда (деревни Беляны, Совет) Витебской губернии. Нельзя также оставить без внимания сообщения информаторов, назвавших родиной дедов «Ригу», около которой, как известно, в окрестностях Режицкого, Динабургского и других уездов проживал значительный массив староверов-федосеевцев [Сементовский, 1872, с. 14–19]. Хорошо проработанные и проверенные архивные данные позволяют видеть в качестве предков основных этнографических групп старообрядцев Витебской губернии – северных русских из Новгород-Псковского края, Москвы, мигрировавших сюда в начале второй половины XVIII в. [Сементовский, 1872, с. 14; Исторический очерк..., 1900, л. 36; Заварина, 1986, с. 15–19]. Возможно, часть их продвинулась западнее, на территорию бывшей Виленской губернии. Жители д. Козловка рассказывают о переселении своих дедов и родителей из Минской, Ковенской губерний, Дисненского уезда Виленской губернии. Потомки первопоселенцев обладают выраженным сознанием русской этнической принадлежности, подчеркивая, что на местах прежнего места жительства в Белоруссии их мужчин звали «москалями», а женщин «московками». Прибывшим, а затем и последующим поколениям пришлось смириться с полученным в Западной Сибири названием – «кержаки».

Таким образом, для васюганских старообрядцев характерна не только общая самоидентификация, но также представление об общей прародине, общности происхождения. В качестве первых поселенцев местные жители указывали три семьи (большие семьи): трех братьев Хохловых (Константина, Емельяна, Акая/Андрея), двух братьев Гнутовых (Антона, Астрата), трех братьев Ивановых (Савина, Авдея, Макара, последний из которых был впоследствии известен под фамилией «Старков») (К.В. Белова, д. Бергуль, Северного района, НСО). Архивные материалы в списках переселенцев Томской казенной палаты подтверждают удивительную живучесть коллективной памяти старообряд-

ческих общин: совпали не только фамилии, но и имена первых наследников, получивших ссуды [Дело Томской Казенной палаты.., л. 1–22]. Полевые материалы позволяют указать на такие распространенные ныне старообрядческие фамилии, которые составляют «фамильные гнезда» Бергуля: Трофимовы, Егоровы, Щае-Зубровы, Ивановы, Беловы, Степановы. В д. Макаровке первопоселенцами были семьи Андреевых, Пудовых, Кузнецовых, Саввастеевых, Федотовых, Дудкиных, Ивановых, Девятниковых, Смертевых и др. (Г.П. Федотов, д. Макаровка, Северного района, НСО). На основе сообщений информаторов удалось составить фамильный список первопоселенцев поселка Макаровка и сравнить с массивом проживающих потомков. В настоящее время в Макаровке проживают более или менее многочисленные потомки только П.К. Андреева, П. Федотова, А. Пудова, Ф. Саввастеева, Ф. Евдокимова, С.И. Родунаева. Из сообщений выяснились фамилии поселенцев исчезнувшей д. Платоновки – Блиновы, Атопкины и др. В отдаленной д. Козловке до настоящего времени проживают потомки Никоновых, Колесниковых, Ивановых, Емельяновых, Вавиловых, Михайловых.

Выделяя себя из окружающего населения, в настоящее время ни бергульцы, ни макаровцы не в состоянии идентифицировать дедовскую, обозначаемую ими как «русская», веру с конкретным согласием. Известно, что они относились к «безбрачникам», строго придерживались учения о безбрачии. Поскольку в местах прежнего проживания западных старообрядцев были распространены не только федосеевский, но и филипповский толки, можно предположить появление на землях Васюганья приверженцев того и другого. Достаточно полновесным подтверждением принадлежности большинства членов данной группы именно к сторонникам федосеевского согласия говорят факты посещений их городскими родственниками соответствующей моленной г. Новосибирска.

Переселенцы из западных губерний России (Белоруссии) – «хахлы». В районы Приобья, Барабы, Кулуанды основная масса выходцев из Могилевской, Витебской, Минской и некоторых других западных губерний России приехали в начале XX в., а также в годы Столыпинской аграрной реформы. В 1885–1889 гг. выходцы из Могилевской губернии занимали по своей роли в переселенческом движении 18-е место (0,2%), в 1900–1904 гг. перешли на 2-е (27%) [Переселение в Сибирь. С. 16]. По данным Первой Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. белорусы составляли в Западной Сибири 0,23% [Население Западной Сибири, 1997. С. 150–154]. Однако впоследствии Всероссийская сельскохозяйственная перепись 1916–1917 гг. выявила гораздо более значительный процент белорусов, например, в селениях Кайлинской, Гондательской волостей Томского уезда, Усть-Тартасской, Иткульской, Кыштовской волостях Каинского уезда и т.д. Демографическая перепись 1920 г. также обна-

ружила более высокие показатели. Так, по Татарскому уезду, входившему в то время в состав Омской губернии, больше белорусов проживало в волостях: Верхне-Омской – 4,1% (ныне север Татарского района), Кыштовской – 5,6%, Метелевской – 4,0%, Угурской – 3,4% [Итоги демографической переписи.., 1923, с. 81–89]. В 1926 г. Всесоюзной переписью населения были представлены конкретные материалы по различным округам и районам Сибирского края: в Новосибирском округе – 4,9%, Тарском округе – 17,9%. Не значились белорусы в Барнаульском, Бийском округах [Всесоюзная перепись населения.., 1930, с. 6–14]. Фиксированное количество белорусов отмечено в районах: Каргатском – 12,8%, Коченевском – 11%, Колыванском – 1,8% и т.д. [Протоколы ранкомиссии.., 1929–1931; Список населенных мест.., 1928, с. 99–239; 242–419; 422–620].

В первой трети XX в. белорусы компактно проживали в целом ряде поселков и деревень Кыштовского района Барабинского округа, Ужанихинского района Новосибирского округа, Чулымского района Новосибирского округа, Каргатского района Новосибирского округа, Коченевского района Новосибирского округа, Карпысакского района Новосибирского округа, Гутовского района Новосибирского округа, Убинского района Барабинского округа и других районах Сибирского края. Массовые поселения белорусов были сосредоточены севернее или вдоль районов Московского Сибирского тракта – в Северной Барабе, рядом с Васюганской равниной. Подобные селения в степных районах, например в Кулунде, можно считать единичными: в Купинском районе Барабинского округа (Медяково, Славянка, Вознесенский), Юдинском районе Барабинского округа (Романовское, Пушкирево). В 1939 г. статистика официально указывала уже 0,6%, а в сельской местности 0,7% лиц белорусской национальности [Население Западной Сибири, 1997. С. 150–154]. Совершенно очевидно, что переселения из белорусских земель продолжались и в более позднее время, на рубеже 1920–1930-х годов. В Отделе архивной службы территориальной администрации Куйбышевского района в делах о зачислении и водворении переселенцев в Барабинский округ в 1929 г. даны посемейные списки переселявшихся в Сибирь [Фурсова, 2002, с. 77].

Переселенцы-белорусы в зависимости от вероисповедания делились на две неравные части: большую составляли православные, идентифицировавшие себя с русскими и считавшие родным русский язык, и католики, которые относили себя к белорусам, но со стороны их православных собратьев звались «поляками». Подобная идентичность, фиксируемая в ходе полевых этнографических изысканий, наглядно отражается в бытовавших фамилиях: в среде православных преобладали русские фамилии (Бондаревы, Макаровы, Хрущевы), у католиков польско-белорусские (Ермолович, Шевяка, Шодик). Значительная часть западных мигрантов свидетельствует, что их родители или деды говорили на русском языке. Другая, меньшая в количествен-

ном отношении часть населения считает, что их родители когда-то разговаривали на белорусском языке, а они в первом поколении перешли на русский. До настоящего времени речь белорусских переселенцев включает такие нехарактерные для сибирских старожилов лексемы, как «листва» (пол), «витает» (встречает), «самопрятка» (самопряха). Специфика языка проявляется также в бытующих именах, которые, хотя и давались по святым, однако звучали с характерными белорусскими суффиксами и окончаниями слов: «Петрак», «Наста», «Христя», «Пелагейка», «Гана» и т.д.

Потомки переселенцев из западных губерний обычно называют со слов своих родителей или дедов прародиной Россию, конкретизируя губернии, уезды, села. В Новосибирском Приобье русские и белорусские переселенцы, согласно нашим полевым материалам, являются выходцами в основном из двух восточных областей современной Белоруссии – Могилевской и Витебской. Гораздо меньше сюда прибыло переселенцев из Гомельской, Минской, Смоленской губерний.

Переселенцы из Украины – «хахлы». К началу XX в. наметилось весьма заметное изменение в распределении мест исхода переселенческих потоков в Томскую губернию: при значительном ослаблении участия черноземных, северо-восточных, заволжских губерний, наблюдался энергичный рост числа переселенцев из южных степных, юго-западных губерний [Переселение в Сибирь..., с. 16]. В 1885–1889 гг. выходцы из Черниговской губернии занимали по численности в общем переселенческом движении 13-е место (0,3%), в 1895–1899 гг. переместились на 2-е (24%), в 1900–1904 гг. – на 3-е место (10%) [Переселение в Сибирь..., 1906, с. 16]. Совсем отсутствовавшие в 1885–1894 гг. Екатеринославская и Таврическая губернии в 1895–1899 гг. заняли 25-е место первая и 33-е вторая, а в 1900–1904 гг. соответственно 7-е и 21-е места. По данным переписи населения Российской империи 1897 г. украинцы составляли в Западной Сибири 4,65%. Анкеты сельскохозяйственной переписи населения 1916–1917 гг. показывают компактные поселения украинцев как в старожильческих селениях, так и во вновь заселенных. Так, в с. Кайлы, Кайлинской, волости Томского уезда, черниговские переселенцы составляли – 19%, полтавские – 13%, харьковские – 4,4% от общего народонаселения. Половину населения составляли выходцы из Киевской губернии в деревнях Трактомировской, Сухиновской Гондатьевской волости, Томского уезда; абсолютное большинство составляли выходцы из Черниговской губернии в пос. Друцкий, Усть-Тартасской волости, Каинского уезда, и т.д. В отличие от белорусов, украинцы заселили в массовых масштабах земли южнее Московского Сибирского тракта: южную часть Барабинской низменности, Кулунду, возвышенность Сокур.

По демографической переписи 1920 г., в Татарском уезде более всего украинцев проживало в во-

лостях: Андреевской – 28,2%, Баганской – 28,4, Вознесенской – 18,9, Карабчинской – 14,0, Купинской – 15,0, Метелевской – 86,0, Ново-Теренгульской – 40,7, Татарской – 20,1, Цветнопольской – 50,1% [Итоги демографической переписи.., 1923, с. 81–89]. Согласно информации переписи 1926 г., по различным округам Сибирского края проживало украинцев: в Барабинском – 15,6%, в Баранульском – 5,7, в Бийском – 2,3, в Каменском – 16,4, в Новосибирском – 8, в Омском – 21,4, в Тарском – 2,6% [Всесоюзная перепись населения.., 1930, с. 5–14]. По районам значилось: в Каргатском районе – 11,5%, в Коченевском – 6,7, в Маслянинском – 4,6% и т.д. [Протоколы ранкомиссии.., с. 55]. Компактных поселений украинцев или селений с их численным преимуществом было во множестве расположено в Гутовском, Черепановском районах Новосибирского округа, Купинском, Спасском, Татарском, Убинском, Чановском, Юдинском районах Барабинского округа, Карасукском, Ключевском, Черно-Кургинском районах Славгородского округа, Панкрушихинском районе Каменского округа и др. В 1939 г. по Западной Сибири лица украинской национальности составляли в среднем 6,2% [Население Западной Сибири, 1997. С. 150, 155].

Среди сибирских украинцев принято составлять историю сел, «летописи» их основания и заселения, из которых становится очевидно значительное количество выходцев из Полтавской, Черниговской губерний [Фурсова, 2002, с. 81]. Заметим, что данные народных «летописей сел» во многом подтверждаются исследованиями современников Столыпинской реформы, в частности «материалами по исследованию» С.П. Швецова, указывавшего на большое количество полтавских, харьковских, черниговских переселенцев в Карасукской, Нижне-Кулундинской, Ляинской волостях Барнаульского уезда [Швецов, 1899].

Украинцы, заселяя села на вновь осваиваемых территориях, называли их привычными для своей родины названиями или старались указывать этническую принадлежность, например д. Украинка, Северного района, д. Миргород, Карасукского района, д. Новокиевка, Куйбышевского района, и пр. Довольно распространенным обычаем было присваивать названия в соответствии с престольными праздниками, так как абсолютное большинство сибирских украинцев православного вероисповедания. Слово «хахол» в объяснении пожилых людей сегодня означает «обрусевший украинец – но еще не русский». Таким образом, считавшееся оскорбительным на Украине прозвище «хахол», стало для сибирских украинцев самоназванием.

Модели взаимодействия и трансформации традиционных культур этнографических групп (по материалам календарной обрядности). Основными процессами, протекающими при взаимодействии этнографических групп родственных по происхождению этносов, являются процессы внутриэтнической консолидации. Ю.В. Бромлеем было предложено

особо выделить этнические эволюционные процессы, в ходе которых взаимодействуют близкие в этнокультурном отношении этносы, и называть их «этнической конверсацией» [Бромлей, 1987, с. 169]. Рассматривая межкультурные взаимодействия как разновидность консолидационных процессов, возникающих при контакте сходных в этнографическом отношении культур (в данном случае восточнославянских), автор считает, что в результате имеет место возникновение новых этнокультурных общностей. Под моделями этнокультурного взаимодействия понимается схема направленности этнокультурных процессов, которые являются типичными для исследованных регионов с восточнославянским населением. Подобно всем явлениям в природе и обществе, этим процессам присуще диалектическое сочетание общего и особенного. Это проявляется в существовании двух взаимосвязанных тенденций, одна из которых носит интегрирующий, другая – дифференцирующий характер.

Для решения проблемы этнокультурного взаимодействия восточнославянских старожилов и переселенцев автор использовала метод интеграции (сопоставления) этнографических и архивных источников (ИАЭИ). В процессе исследования вариантов этнокультурного взаимодействия по материалам календарных обычаем восточнославянских народов Приобья, Барабы и Кулунды первой трети XX в. удалось смоделировать пять вариантов ситуаций. Старожильческие и переселенческие традиции оказывались наиболее живучими не только в «этнографической» памяти, но и в широком бытovanии до наших дней в случаях, когда сибиряки и российские переселенцы проживали в отдельных, хотя бы и рядом расположенных селениях. Подобная ситуация наблюдалась для 1916–1917 гг. в левобережье р. Оби, в Каргатской, Кыштовской, Иткульской, Усть-Тартасской, Шипицынской и некоторых других волостях Северной Барабы, отчасти Васюганья, где русско-сибирские обычай и обряды календарного года сохранились с включением многих архаических элементов (модель А). Старожильческие обычай и обряды хорошо хранились в тех районах, где приток российских переселенцев был неизначительным, например в Малышевской, Сузунской волостях Барнаульского уезда (модель Б). Преобладание старожильческих традиций обеспечивалось и в том случае, когда старожилы не составляли абсолютное большинство, а прибывавшие в конце XIX – начале XX в. переселенцы из России являли собой разрозненный в этнокультурном отношении массив, что являлось довольно типичным случаем для большинства селений (модель В). Распространенным вариантом «выживания» старожильческой этнокультурной модели были те случаи, когда старожилы получали «подкрепление», а именно: прибытие населения из близкой в культурном отношении среды. В этом случае основой календарной обрядности становились старожильческие обычай, даже если в количественном отноше-

нии старожилы составляли меньшинство (модель Г). В том случае, когда поселок являлся новопоселенческим и большинство жителей составляли выходцы из одной или двух–трех близкородственных в этнокультурном отношении групп, то сохранялись календарные традиции этих переселенцев. Здесь практически не ощущалось влияние окружавшего их местного старожильческого населения и привнесенные традиции сохранялись даже в более полном виде, чем на исторической родине (модель Д) [Фурсова, 2003, с. 80–129].

В ходе рассмотрения вопросов трансформации восточноевропейских обычаем и обрядов в среде старожильческого населения Приобья, Барабы и Кулунды первой трети XX в. привлечен синхронный метод, позволивший использовать материалы, полученные в ходе этнографических экспедиций в те районы Европейской России, откуда, согласно историческим источникам или легендам, вышли переселенцы (методика сравнительного полевого исследования – СПИ). Для анализа трансформаций отдельных компонентов культуры первой трети XX в. были проведены изыскательские работы в Центре Европейской части России (Нижегородская область, включая Поволжье и р. Керженец), Подонье (Ростовская область), северо-востоке России (Кировская область), а также в восточных регионах (Иркутская, Томская области, Республика Бурятия).

При анализе трансформаций восточноевропейских обычаем, принятых в среде старожильческого населения Приобья, Барабы и Кулунды, наибольшее сходство обнаруживали те традиции, которые были регламентированы установлениями Русской православной церкви или духовной старообрядческой литературы; различиями выделялись менее связанные с религией народные обычай и обряды. Осуществление сравнительного анализа полученных автором материалов по календарной обрядности русского населения ряда районов Европейской России и Западной Сибири дает основания сделать выводы о сохранении на освоенных несколько веков назад сибирских землях восточнославянских традиций, мало затронутых промышленным переворотом второй половины XIX в. и последующими политическими, социально-экономическими, демографическими событиями прошлого века. Определенная трансформация элементов традиционной культуры, тем не менее, не изменила первичной основы культуры прибывших во второй половине XVIII в. в Барабу крестьян из центральных и южных районов России. Северо-восточные традиции, принесенные прежде всего из Вятской и Пермской губерний, как следует из изложенного материала, наслонились на центрально-южнорусские в Барабинской низменности и слились с близкородственными в Приобье, проявляясь в большей степени восточнее р. Оби. Таким образом, согласно этнографическим материалам, в формировании старожильческого населения Приобья, Барабы и Кулунды участвовали компоненты, своим происхождением связанные с двумя колонизационными

потоками русских: одним из Северо-Востока России (северная колонизация), по-видимому направлявшимся по преимуществу в Правобережье Оби, и центральными, южными районами Российской Федерации, выходцы из которых заселяли Барабу, Васюганье. Дальнейшее развитие, сопровождавшееся притоком массивов российских переселенцев пореформенного и столыпинского периодов, в целом не вызвало изменения облика календарных обычаяев и обрядов старожильческого населения.

Если для первопоселенцев-старожилов основной вопрос обживания Сибири заключался в приспособлении своей культуры к новым природно-климатическим, демографическим и этнографическим условиям, то для позднейших переселенцев из России более важным становился другой – культурной адаптации, «вживания» в этнокультурные старожильческие и переселенческие массивы. Привезенные переселенцами восточнославянские в своей основе обычай и обряды порой соприкасались с родственными, бытовавшими до того в Сибири более или менее длительный период.

В тех местностях, где вятские переселенцы составляли значительную часть населения, например в Прибердье, их влияние усилило некоторые «чадонские» традиции, привнеся своюственную им специфику. Выходцы из Пермской губернии намного быстрее других ассимилировались и вливались в старожильческие группы, ввиду выраженной культурно-бытовой близости. Особенности календаря южнорусских переселенцев позволяют говорить о том, что их духовные ценности, выражавшиеся в верованиях, обычаях, обрядах, длительное время были окрашены спецификой мест и времени выхода. Переселенцы с Поволжья привезли в Сибирь обычай «проводить весну» на Петровское заговенье, сопровождавшееся ряженьем «конем», который, будучи поддержаный сибирскими традициями, перешел и долгое время сохранялся в масленичной обрядности встречи весны.

Старообрядческая культурная традиция, с одной стороны, тяготела к аскетизму, так как наиболее ревностные христиане стремились следовать прописанным в служебной, житийной литературе истинам, с другой – наблюдалась постоянная тенденция к расширению этих рамок этническими обычаями и обрядами. Отсюда становятся понятными противоречивые, а порой прямо противоположные, этнографические реалии, характеризующие календарную обрядность конфессионально-этнографических групп старообрядцев.

Особенность традиционной культуры «двоеданов» заключалась в сохранении народных русских обычаяев, которые обнаруживают параллели с традициями старообрядцев Южного Урала, Верхнего Приоболья [Казанцева, 1997, с. 54]. Влияние сибирского старожильческого населения можно рассматривать в плане актуализации сходных по форме и содержанию обычаяев, известных на прежних местах проживания двоеданов.

Специфика календарных обычаяев и обрядов старообрядцев-«курганов» была обусловлена, с одной стороны, принадлежностью к старой вере поморского согласия, с другой – привязкой к Волжско-Уральской историко-этнографической области [Народы Поволжья и Приуралья..., 1985, с. 5]. Особенности культуры конфессионально-этнографической группы курганов позволяют говорить о том, что наряду со старой верой им удалось сохранить культурно-бытовую специфику Средне-Поволжского региона в течение жизни двух поколений мигрантов, не восприняв почти ничего из старожильческих традиций.

Старообрядцы из западных губерний России, Белоруссии, являясь северорусскими по происхождению, заимствовали у белорусов и бережно хранили те обычай и обряды, которые не противоречили их христианским убеждениям. Например, на Троицу наряду с березой, по белорусской традиции, могли устанавливаться черемуховые деревья. Исследованиями фиксируются заимствования в ряде календарных обрядов и связанных с ними традиций праздничного угощения, но практически не встречаются характерные для белорусов поверья в русалок.

Стойкость духовных ценностей особенно проявлялась у белорусских переселенцев Васюганья, что, возможно, было связано с тем, что процессы урбанизации не сильно затронули белорусские деревни, обосновавшиеся в малодоступной местности, в стороне от крупных городов и путей сообщения. Кроме того, в тех районах, которые оказывались ближе прежней прародине белорусов по природно-ландшафтным условиям, последние лучше сохранили свои традиционные черты культуры и свое этническое самосознание.

Сибирское влияние на традиционную календарную обрядность украинских переселенцев сказалось во включении в праздник Масленицы элементов украинских купальских обрядов. Можно также констатировать распространение названия «Троицы» (вместо «Зеленых Святок», «Клечанне»), актуализацию многих троицких обрядов, вытеснение березой остальных троицких деревьев. Украинские переселенцы не сохранили в Сибири обычай приготовления обрядового купальского дерева с последующим его потоплением, что было характерно для Украины [Соколова, 1979, с. 23]. Однако исконная принадлежность Ивановой ночи – костер – была занесена в Западную Сибирь с сохранением всех ее основных, прежде всего апотропейских магических функций.

Южнорусские, белорусские, украинские переселенцы в изучаемое время еще хранили на Петров день традиции коллективных женских трапез, кумлевий, с приготовлением угощения в виде яичницы, используя собранное или украденное в ходе обходных обрядов подаяние. Влияние старожильческого населения на переселенцев, в значительной степени сказалось в забвении обычаяев жечь «петровские» костры, наблюдать «игры» солнца.

Трансформации того или иного обычая или обряда были обусловлены этнокультурной ориентацией изучаемой группы переселенцев, а также конфессиональной принадлежностью – к православным или старообрядцам. Таким образом, отсеивались те традиции, смысл которых был не понятен, а форма изобличала неместное происхождение. И наоборот, сходная по форме и содержанию обрядность усиливалась и у старожилов, и у переселенцев. Подобное явление было бы уместно назвать «культурной интерференцией» (от лат. *inter* – между + *ferentis* – несущий), под которой понимается усиление взаимно схожих (когерентных) традиций и, наоборот, ослабление противоположных, резко выделявшихся и не вписывавшихся в общую этнокультурную «среду».

В целом, согласно наблюдениям, присутствие в русско-сибирских селах белорусских и украинских поселенцев способствовало актуализации славянской архаики. Поэтому не случайно там, где бок о бок проживали представители русских, украинских

и белорусских народов, славянские традиции оказались наиболее ощутимыми. Результаты взаимодействия традиций календарного цикла восточнославянских этнографических групп Приобья, Барабы и Кулунды в первой трети XX в. определялись следующими факторами:

– пропорциями этнографического состава населения конкретных населенных местностей. Даже при менее чем 50% наличия в селении старожильческого населения остальные группы подвергались значительной аккультурации;

– большей или меньшей степенью схожести взаимодействующих культурных традиций, причем сходные усиливались, различные ослабляли друг друга (явление «культурной интерференции»);

– социальным статусом взаимодействующих этнографических, конфессионально-этнографических и территориально-этнографических групп (например, «чалдоны» в сибирской иерархии занимали наиболее высокое положение).

Неопубликованные источники

Библиотека для чтения. (Фонд С.И. Гуляева). 1848 // ЦХАФ АК. Фонд 163. Оп. 1. Д. 214. 105 л.

Дело Томской Казенной палаты по отделению со списками переселенцев пос. Бергульского, Пустоваловского Кыштовской волости Каинского у., получивших ссуды // ГАТО. Ф. 196. Оп. 19. Д. 227. 22 л.

Исторический очерк о трех уездах Витебской губернии, 1900 г. // РО РЭМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 451. 55 л.

Записи подворной книги 1928–1932 гг. с. Кайлы // ОАСТА Мощковского района НСО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 2. 144 л.

Материалы о закрытии и открытии религиозных обществ по НСО, 1944–1947 гг. // ГАНО. Ф. 1418. Оп. 1. Д. 24. 11 л.

Протоколы ранкомиссии на лишенных и восстановленных,

1929–1931 гг. // ОАСТА Каргатского р-на НСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1–4.

Рапорты священников и ведомости церквей о лицах, уклонившихся в раскол, 1828–1899 гг. // ЦХАФ АК. Ф. 26. Оп. 2. Св. 1. № 1. 70 л.

Расчеты по ссудам и списки крестьян-переселенцев д. Ночки, Усть-Тартасской волости на 1896–1901 гг. // ГАТО. Ф. 196. Оп. 19. Д. 82. 65 л.

Список лиц, самовольно прибывших на территорию Подволошнского, Федосихинского, Ермиловского и пр. сельсоветов, 1929 г. // ОАСТА Коченевского района НСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 30, 60, 78.

Эстрик из росписей 1812 г. «Сколько бывших у исповеди и святого причастия...» // ЦХАФ АК. Ф. 26. Оп. 2. Св. 2. № 2. 98 л.

Литература

Арский И.В. Вопрос о формировании национальностей в Западной Европе // Учен. зап. ЛГУ. Сер. ист. наук. 1941. № 12. С. 101–125.

Арутюнов С.А. Классификационное пространство этнической типологии // СЭ. 1986. № 4. С. 58–64.

Бернштам Т.А. Локальные группы Двинско-Важского ареала: Духовные факторы в этно- и социокультурных процессах // Русский Север. СПб.: МАЭ РАН, 1995. С. 208–317.

Боровников. Областные великорусские слова, заимствованные от монголов и калмыков // Материалы для сравнительного и объяснительного словаря русского языка и других славянских наречий. СПб., 1853. II отд-ние, II тетр. С. 195–197.

Бромлей Ю.В. Современные проблемы этнографии. М.: Наука, 1981. 389 с.

Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983. 411 с.

Бромлей Ю.В. Этносоциальные процессы: Теория, история, современность. М.: Наука, 1987. 332 с.

Ваганов Н.А. Хозяйственно-статистическое описание Алтайского горного округа. СПб., 1883.

Власова И.В. Население центральных районов Русского Севера//Русский Север. М.: Наука, 2001. С. 102–141.

Всесоюзная перепись населения 1926 г. Сибирский край. Отдел II. Занятия. М., 1930. 362 с.

Головачев П.М. Заметки о русской колонизации Сибири // Землеведение. 1894. Т. 1, ч. IV. С. 31–59.

Голубев П.А. Очерки сибирской жизни и положение переселенцев на Алтае // Юрид. вестн. 1892. Т. 2, кн. 1/2. С. 1–169.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Рус. яз., 1899а. Т. 2. 780 с.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Рус. яз., 1899б. Т. 4. 684 с.

Заварина А.А. Русское население в восточной Латвии во второй половине XIX – начале XX в.: Историко-этнографический очерк. Рига: Зиннатне, 1986. 246 с.

Записки бывшего раскольника д. Шульгин Лог Андрея Токарева // ТЕВ. 1891. № 4. С. 1–18.

Заринов И.Ю. Социум – этнос – этничность – нация – национализм // ЭО. 2002. № 1. С. 3–30.

Зобнин Н.Ф., Патканов С.К. Список Тобольских слов и выражений, записанных в Тобольском, Тюменском, Курганском и Сургутском округах // ЖС. 1891. Год 9, № 4. С. 457–518.

Золотова Т.Н. Русские календарные праздники в Западной Сибири (конец XIX–XX в.). Омск: Издатель-Полиграфист. 2002. 233 с.

История Сибири. Сибирь в составе феодальной России. Т. 2. Л.: Наука, 1968. 358 с.

- Итоги демографической переписи 1920 г. по Омской губернии. Возрастной и национальный состав населения с подразделением по полу и возрасту. Омск, 1923. 99 с.
- Казанцева М.* Календарные праздники и обряды//Очерки истории Урала: Духовная культура Урала. Екатеринбург, 1997. С. 54–78.
- Кимеев В.М.* Касьминские чалдоны: Быт и культура русских старожилов Касьминской волости. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. 249 с.
- Клячкин В.Е.* Естественное движение населения г. Омска по параллельным данным за 1913, 1916, 1923–1926 гг. Омск: Сибкрайздрав, 1928. 50 с.
- Ковязин С.А.* Конференция «Этнические и этнографические группы в СССР и их роль в современных этнокультурных процессах» // СЭ. 1990. № 4. С. 151–155.
- Козлов В.И.* О классификации этнических общностей: (Состояние вопроса)// Исследования по общей этнографии. М.: Наука, 1979. С. 5–23.
- Козлов В.И.* От первобытности до современности // СЭ. 1986. № 4. С. 64–69.
- Комарофф Дж.* Национальность, этничность, современность: Политика самоосознания в конце XX в. // Этничность и власть в полигэтнических государствах. М., 1994. С. 35–68.
- Конструирование этничности: Этнические общины Санкт-Петербурга. СПб.: Буланин, 1998. 301 с.
- Корреспонденция СВ // Сибирский вестник. 1895. № 2. С. 1–4.
- Крюков М.В.* Еще раз об исторических типах этнических общностей // СЭ. 1986. № 3. С. 58–69.
- Липинская В.А.* Старожилы и переселенцы: Русские на Алтае, XVIII – начало XX в. М.: Наука, 1996. 269 с.
- Любимова Г.В.* Возрастной символизм в культуре календарного праздника русского населения Сибири. XIX – начало XX века. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2004. 239 с.
- Малахов В.С.* Новое в междисциплинарных исследованиях // Обществ. науки и современность. 2002. № 5. С. 131–140.
- Марков Г.Е.* Этнические общности как историческая категория // СЭ. 1986. № 4. С. 69–72.
- Мельников М.Н.* Васюганье: путь в никуда? Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 1989. 190 с.
- Миненко Н.А.* По старому Московскому тракту: О первых населенных пунктах на территории Новосибирской области. Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 1986; 2-е изд., перераб. и доп., 1990. 183 с.
- Народы Поволжья и Приуралья: Историко-этнографические очерки. М.: Наука, 1985. 309 с.
- Население Западной Сибири. Новосибирск: СО РАН, 1997. 171 с.
- Переселение в Сибирь: Прямое и обратное движение переселенцев семейных, одиноких, на заработки и ходоков. СПб.: Издание переселенческого управления, 1906. Вып. XVIII. 81 с.
- Першиц А.И.* Этнические общности и формационный процесс // СЭ. 1986. № 3. С. 69–73.
- Попов И.И.* Переселение крестьян и землеустройство Сибири // Великая реформа. Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем: В 6 т. М.: Сытина, 1911. Т. VI. С. 249–267.
- Потанин Г.Н.* Материалы для истории Сибири // Чтения в Обществе истории и древностей российских. М., 1866. Кн. 4. С. 103–108.
- Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М.: Наука, 1982. 357 с.
- Русские старожилы Сибири: Историко-антропологический очерк. М.: Наука, 1973. 187 с.
- Рыбаков С.Е.* Этничность и этнос // ЭО. 2003. № 3. С. 3–24.
- Семенов Ю.И.* О племени, народности и нации // СЭ. 1986. № 3. С. 73–75.
- Сементовский А.М.* Этнографический обзор Витебской губернии. СПб., 1872.
- Соколова В.К.* Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. М.: Наука, 1979. 285 с.
- Соколова З.П.* На просторах Сибири. М.: Рус. яз., 1986. 240 с.
- Список населенных мест по сведениям 1864 г. Пензенская губерния. СПб., 1869. 119 с.
- Список населенных мест Сибирского края. Т. 1. Новосибирск, 1928. 611 с.
- ТЕВ. 1891. № 11. 18 с.
- ТЕВ. 1891. № 1 (ХII). 18 с.
- Тишкин В.А.* Этнология и политика. М., 2001. 240 с.
- Токарев С.А.* Проблема типов этнических общностей: (К методологическим проблемам этнографии) // Вопр. философии. 1964. № 11. С. 43–53.
- Фурсова Е.Ф.* Новогодние праздники и обряды чалдонов Чусской волости Томского округа (с. Середино, Кандаурово) // Населенные пункты Сибири: Опыт исторического развития (XVII – начало XX в.). Новосибирск: Ассоц. сиб. и дальневост. городов, 1992. С. 102–119.
- Фурсова Е.Ф.* Этнокультурные группы россиян Приобья: Старожилы и переселенцы // Проблемы культурогенеза и культурное наследие: Материалы к конф. СПб., 1993. С. 35–36.
- Фурсова Е.Ф.* Традиционная одежда русских крестьян-старожилов Верхнего Приобья (конец XIX – начало XX в.). Новосибирск: ИАЭ СО РАН, 1997. 151 с.
- Фурсова Е.Ф.* Белорусские «москали» или сибирские «кержаки»: кто они?? Сибирь в панораме тысячелетий: Материалы Междунар. симпоз. Новосибирск: ИАЭ СО РАН, 1998. С. 494–495.
- Фурсова Е.Ф.* Старообрядцы-«курганы»: К вопросу о мицроэтнических общностях // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: СО РАН, 1999. Т. 5. С. 653–658.
- Фурсова Е.Ф.* Календарные обычаи и обряды восточнославянских народов Новосибирской области. Ч. 1. Новосибирск: Аграро, 2002. 286 с.; Ч. 2. Новосибирск: ИАЭ СО РАН, 2003а. 265 с.
- Фурсова Е.Ф.* Этнокультурное взаимодействие восточнославянских старожилов и переселенцев Приобья, Барабы, Кулунды по материалам календарных обычаем/Проблемы изучения этнической культуры восточных славян Сибири XVII–XX вв. Новосибирск: АгроСибирь, 2003б. С. 80–129.
- Фурсова Е.Ф.* Особенности культурно-адаптивных процессов переселенцев из Пермской губернии в Западной Сибири // Грибушинские чтения – 2004: Современный музей в контексте культурно-экологического пространства региона: Опыт. Проблемы. Возможности. Кунгур: Кунгур, 2004. С. 95–97.
- Хершак Э., Кумпес Й.* Два типа этничности: (хорватский и сербский примеры) // ЭО. 1993. № 4. С. 29–39.
- Хрестоматия сибирской народной песни. Новосибирск, 2001. 117 с.
- Чвырь Л.А.* Заметки об этническом самосознании уйгуров // ЭО. 1994. № 3. С. 31–40.
- Чебоксаров Н.Н.* Проблемы типологии этнических общностей в трудах советских ученых // СЭ. 1967. № 4. С. 94–109.
- Чебоксаров Н.Н., Чебоксарова И.А.* Народы. Расы. Культуры. М.: Наука, 1985. 271 с.
- Швецов С.П.* Материалы по исследованию мест водворения переселенцев в Алтайском округе: Результаты статистического исследования в 1894 г. Вып. II. Описание переселенческих поселков. Барнаул, 1899.
- Ядринцев Н.М.* Поездка по Западной Сибири и в Горный Алтайский округ // Зап. ЗСО ИРГО. 1880. Кн. II. С. 1–144.
- Frykman J.* Belonging in Europe: Modern identities and places // Ethnol. Europ. 1999. № 29 (2). P. 13–24.
- Harbsmeier M.* Character, identity, and construction of Europe // Ibid. 1999. N 29/2. P. 5–12.
- Kockel U.* Nationality, identity and citizenship: Reflecting on Europe at Drumcree Parish Church // Ibid. 1998. N 29 (2). P. 97–108.
- Pevitt P.* Anthropological research. Cambridge, 1983. 213 p.
- Posern-Zieliński A.* Koncepcje etniczności studiach etnicznych // Lud. 1979. T. 63. S. 1–17.
- Smith A.D.* Memory and modernity: Reflections on Ernest Gellner's theory of nationalism // Nations and Nationalism. 1996. Vol. 2(3). P. 371–388.
- Wise J.M.* Home: territory and identity // Cultural Studies. 2000. Vol. 14, April. P. 295–310.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение (В.И. Молодин, В.А. Тицков)	5
АНТРОПОГЕНЕЗ И ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА.	
ОСВОЕНИЕ ЕВРАЗИИ	
О направлении «Антропогенез и проблемы становления человечества. Освоение человеком Евразии» (А.П. Деревянко, Х.А. Амирханов).....	23
А.П. Деревянко. Миграции, конвергенция, аккультурация в раннем палеолите Евразии	25
А.А. Зубов, С.В. Васильев. Антропологические свидетельства древнейших миграций человека.....	48
В.П. Любин, Е.В. Беляева. Кавказ в ранней истории Евразии.....	69
А.П. Деревянко, Х.А. Амирханов, В.Н. Зенин.	
Материалы к проблеме прикаспийского пути первоначального заселения Юго-Востока Европы.....	91
М.В. Аникович, Н.К. Анистоткин, Л.Б. Вишняцкий. Переход к верхнему палеолиту в Евразии и становление человека современного физического типа: глобальные и региональные аспекты процесса	98
С.А. Васильев, З.А. Абрамова, Г.В. Григорьева, Г.В. Синицына, Г.А. Хлопачев. Два типа адаптаций древнего человека на Русской равнине в финале плейстоцена.....	113
АРХЕОЛОГИЯ, ЭТНОГЕНЕЗ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ НАРОДОВ ЕВРАЗИИ В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ	
О направлении “Археология, этногенез и этнокультурная история народов Евразии в древности и средневековье” (В.И. Молодин, М.Ф. Косарев, В.В. Седов)	123
В.И. Молодин, Г. Парцингер и др. Этнокультурные процессы в переходное от бронзы к железу время в лесостепной зоне Евразии.....	132
А.И. Иванчик. Раннескифская хронология в свете древневосточных данных.....	146
В.И. Гуляев. Этнокультурные процессы в Подонье в скифскую эпоху (V–IV вв. до н.э.)	162
С.И. Лукьянко. Этнополитическая история Донского Левобережья в скифское время.....	174
Е.Н. Черных. Каргалинский горно-металлургический комплекс и медиевые песчаники Приуралья ...	181
С.Г. Кляшторный. Степные империи древних кочевников Центральной Азии.....	192
Е.Г. Дэвлет, М.А. Дэвлет. Мифы в камне	196
Г.Г. Король. «Степной орнаментализм» раннесредневекового декоративного искусства и тюркский эпос: закономерности формирования и развития.....	211
Ю.Е. Березкин. Евразийская прародина аборигенов Америки (анализ ареального распределения фольклорно-мифологических мотивов)	228
Г.Г. Гамзатов. Гражданская община как универсальная форма общественно-политического устройства в Дагестане в XVII – начале XIX века.....	241
ЭКОЛОГИЯ И ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЕ НАРОДОВ ЕВРАЗИИ	
О направлении «Экология и жизнеобеспечение народов Евразии» (Т.И. Алексеева)	253
Т.И. Алексеева. Антропоэкологические исследования в Центральной Азии.....	254
М.Л. Бутовская. Механизмы снятия стресса в постконфликтной ситуации как важнейшая адаптация человека: гормоны и поведение	261
М.В. Добровольская. <i>Homo edens</i> (к экологии питания вида)	271
Г.Ф. Коробкова. Орудия труда и жизнеобеспечение обитателей Михайловского поселения в эпоху палеометалла	281
Н.А. Дубова. Антропологический облик населения Маргианы в антропоморфной пластике Гонура ..	301

КУЛЬТУРНОЕ МНОГООБРАЗИЕ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НАРОДОВ ЕВРАЗИИ. МИРОВОЗЗРЕНИЕ И РЕЛИГИИ

<p><i>С.А. Арутюнов.</i> Мировоззренческие аспекты функционирования евразийского пространства .....</p> <p><i>А.В. Головнев.</i> Исторический опыт межэтнического взаимодействия на севере Евразии .....</p> <p><i>Р.Р. Рахимов.</i> Центральная Азия: мировоззренческие системы и их влияние на социальную реальность .....</p> <p><i>Н.Л. Жуковская.</i> Республика Бурятия: религия в культурном пространстве этноса .....</p> <p><i>Н.И. Шутова.</i> Духовная культура народов Камско-Вятского региона: итоги исследования за 2003–2005 годы .....</p> <p><i>Г.А. Кошеленко, В.А. Гаивов.</i> Мерв в период Сасанидов: на перекрестке культур .....</p> <p><i>Э.Д. Зилибинская.</i> Усадебные дома в городах Золотой Орды .....</p> <p><i>Б.И. Вайнберг.</i> Некоторые особенности развития северных областей Ахеменидской империи в IV в. до н.э. ....</p> <p>Список сокращений.....</p>	<p>309</p> <p>312</p> <p>321</p> <p>332</p> <p>346</p> <p>356</p> <p>364</p> <p>377</p> <p>386</p> <p>405</p> <p>419</p> <p>427</p> <p>442</p> <p>452</p> <p>463</p>
--	--